

Крестьянская свадьба Ростовского края на страницах «Ярославских губернских ведомостей»

Т. С. Молчанова

Ростовская традиционная свадьба — самобытное и яркое явление народной культуры Ярославской земли. Однако в настоящее время нет музыкально-этнографических публикаций, по которым можно было бы составить представление о ростовской свадьбе в целом и о ее местных вариантах. Современное состояние устной народно-песенной традиции Ростовского края, к сожалению, уже не позволяет собрать полноценные данные по свадебной обрядности. Поэтому необходимо обращение к ранним источникам — рукописным и печатным. В рукописном фонде Российской национальной библиотеки, в собрании А. А. Титова, хранятся материалы по свадебным обрядам Ростовского уезда, включающие тексты этнографических описаний, песен и причитаний¹. Сообщения о характере этого собрания и некоторые тексты были опубликованы в предыдущих изданиях по докладам конференции². В настоящей работе мы обратились к печатным материалам по ростовской свадьбе, имеющимся в ЯГВ³.

Первый номер ЯГВ выходит 1 марта 1831 г. Уже через год, в конце марта 1832 г., появляется первая публикация этнографических материалов, посвященных русской свадьбе — «Свадебные обряды в Ярославской губернии» С. С-ва⁴. Ее автор — исследователь местной истории, ярославский купец С. А. Серебренников (1801—1866). Он одним из первых в Ярославле обратился к историческим разысканиям, собиранию памятников письменной старины. Был автором многочисленных статей в периодике и научных журналах. Печатался в ЯГВ, «Московских ведомостях», «Русском пантеоне», «Северной пчеле», «Отечественных записках», в научных журналах («Записках отделения русской и славянской археологии», «Известиях Русского археологического общества», «Временнике Общества истории и древностей, российских при Московском университете»). Статья 1832 г. является одной из ранних его работ. Название статьи подразумевает сведения по свадебным обычаям Ярославской губернии, однако все материалы относятся только к городу Ярославлю. Так, в сноске к названию статьи в первом номере газеты автор указывает, что свадьба описана «в сословии купеческом и мещанском»⁵, а с № 15 меняется заглавие статьи на «Свадебные обряды в Ярославле», и в сноске к названию статьи указано: «*Описываемые здесь обряды относятся не ко всей Губернии, но собственно к Ярославлю. — В Ярославской губернии по Русской пословице: что город, то норы, что деревня, то обычаи. На пример, в Ростове обычаи во многих частях совершенно противоположны Ярославским: там с удовольствием пускают женихов смотреть невест, и не почитается безчестьем, что женихов пять посмотрит*

невесту. — Также не бракуют жениха, когда он в один вечер посмотрит трех или более невест»⁶.

Статья Серебrenникова появляется в 30-е гг. XIX в., в то время, когда достаточно ясно оформляется интерес к этнографическому изучению русского народа (труды Снегирева, Терещенки⁷) и формулируются положения о принципах собирания народных песен («Песенная прокламация» Петра Киреевского 1837—38 гг.). Губернские ведомости, издающиеся в периферийных центрах, становятся, по выражению Павла Вульфуса, «своеобразным барометром возрастающего интереса к народному творчеству»⁸. Одновременно с этим растут и требования к качеству публикуемого материала, подчеркивается необходимость изучения песен. Отметим, что о достоверности, полноте собираемых этнографических сведений и текстов народной поэзии и прозы заботятся не только авторы, сферой профессиональных интересов которых была народная культура, но и множество любителей старины, подвижников. Именно их стараниями тщательно описаны многочисленные местные особенности крестьянской жизни, обряды, верования, песни и причитания. В этом плане губернские ведомости давали возможность опубликовать зафиксированные материалы, обратить внимание читателей-сограждан на свою «живую старину».

Интерес к этнографической и песенной собирательской деятельности в губерниях был поддержан Этнографическим отделением Русского Географического Общества. В 1847 г. во все российские губернии была разослана программа по собиранию этнографических сведений, в которой всем желающим предлагалось участвовать в этом деле. Весьма активно к этому старались привлечь местное духовенство. Кроме того, в ЯГВ периодически публиковались программы по собиранию сведений по истории и этнографии. В 1850 г. было опубликовано «Предисловие» к «Статистическому описанию Ярославской губернии», в 1855 г. «Записка для обозрения русских древностей Императорского археологического общества», в 1888 г. «Краткая программа вопросов»⁹. На эти и другие факты было обращено внимание А. В. Киселевым¹⁰.

Дополним этот перечень напечатанной в ведомостях за № 15 от 12 апреля 1852 г. «Программой по собиранию образцов народного языка и словесности» от Второго отделения АН. В ней, в частности, говорится: «<...> Второе отделение Академии наук не может не дорожить этими произведениями. Оно почитает долгом своим собирать их, как явления, во всяком случае достойные внимания того, кто хочет отчетливо следить за ходом Русской словесности, и будет признательно за их сообщение, на каком бы местном наречии или говоре ни были бы написаны». Интересно, что именно в этом номере газеты вслед за названной программой помещены материалы по свадебной обрядности Ростовского уезда, как бы подтверждающие призыв АН.

Далее речь пойдет о трех публикациях в ЯГВ, имеющих прямое отношение к свадебному обряду Ростовского края:

- Артынов А. Село Угодичи. Народные песни, свадьбы, завивание нитки и березки. Старинные песни // ЯГВ. 1851. № 4. 27 янв.;
- Н-ий И. Свадебные обычаи в Ростовском уезде // ЯГВ. 1852. № 4. 26 янв.;

№ 5. 2 февр.; № 15. 12 апр.;

- Апеллесов В. Из Ростовского уезда. Свадебные обычаи села Закедья // ЯГВ. 1873. № 35. 3 мая. С. 203–204; № 37. 10 мая. С. 214.

Каждая из этих публикаций представляет цельный этнографический рассказ с включением поэтических текстов. Именно в этих работах мы встречаем достаточно точные географические указания, что очень важно для изучения свадебного обряда в его локальных версиях: село Угодичи на восточном берегу озера; деревни по южному берегу Ростовского озера; с. Закедье, расположенное в северо-западной части Ростовского уезда, на границе Ростовского и Угличского уездов.

Остальные публикации по Ростовскому уезду, в том числе и помещенные в другие периодические издания, к сожалению, не содержат такого же рода географических указаний о материале¹¹. Авторы употребляют такие выражения, как «по-ростовски», «такова практика в Ростовском уезде» или «песня записана в Ростовском у.».

Автором первой из интересующих нас публикаций в ЯГВ был крестьянин с. Угодичи А.Я. Артынов, приславший в Ведомости целую серию очерков.

В последней части статьи «Село Угодичи. Народные песни, свадьбы, завивание нитки и березки. Старинные песни» Артынов помещает описание крестьянской свадьбы¹². Текст описания яркий, ясный. Обозначены основные этапы свадьбы, приведены их местные названия (*сиденье, сговоры, с кручинным, княжой стол, почестье, вскрытье* и другие). Есть описание одежды и свадебной «пряницы». Автор сопоставляет старинные правила и новые изменения в свадебном обряде: «Ныне уж совсем не то: жених не придет к невесте в армяке, не сядет под образами в шапке, не зажгут при нем лучины для освещения невесты, и она не будет угощать своего суженого квасом. Жених снимает с себя в передней комнате суконный тулуп на мерлушках или на лисьем меху, и входит в гостиную шеголем, в сертуке, а невеста, после обычного приветствия, обносит гостей чаем, потом, переменяв наряд, угощает их вином, десертом и закусками, вновь переменяя, пред каждым блюдом, свое платье и уборы». В статье нет ни одного поэтического текста, однако ценны замечания о характере плачей: *громогласные, громкие причеты*.

Спустя примерно 30 лет А. Артынов сообщает некоторые сведения о свадьбе с. Угодичи А.А. Титову¹³. Для сравнения в таблице в Приложении 1 к статье приведены схемы обоих описаний — по публикации в газете и по рукописи. В них выделены местные наименования разделов свадебной игры, совпадающие в этих двух описаниях. В рукописи рассказ о свадьбе краткий, схематичный, но ценным являются четыре текста свадебных песен — «Во горенке во новой стоял столик», «Зелена роща алой цвет/Ай то, ай то у нас [имя] долго нет», «Течет речка не колыхнется», «Удалой молодчик по горнице ходит». Таким образом, опубликованные материалы органично дополняются рукописными.

Далее остановимся подробнее на публикации по ростовской свадьбе, помещенной в 4, 5 и 15 номерах ЯГВ за 1852 г. Материалы подписаны «И... Н... ий». Вероятно, статьи принадлежат И.Я. Никольскому, заштатному

священнику с. Поречье Ростовского уезда, брату Ф. Я. Никольского, редактора ЯГВ с 1848 по 1862 г. Сведения эти извлечены из «Воспоминаний крестьянина села Угодичь Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова», опубликованных с предисловием А. А. Титова в 1882 г.¹⁴

В статье Никольского с. Поречье не называется; указывается лишь, что «Предлагаемый здесь очерк свадебных обычаев относится к немногим селениям, расположенным по южному берегу Ростовского озера». Однако в последнем очерке к тексту свадебного причитания невесты после посещения заутрени в день венца «Уж ходила-то я молода/Ко Миколе ко Святителю,/Ко Казанской Божьей Матери» есть ссылка — «местные храмовые праздники». По данным 1878 г., Никольская церковь расположена в с. Филимонове, Казанская церковь — в с. Скнятиново-Языковых. Обе деревни относились к Поречье-Рыбновскому приходу, расположенному в южной части Ростовского озера¹⁵. Учитывая также упоминание Артынова об отце Иоанне Никольском как заштатном священнике с. Поречье, можно вполне локализовать географию записей.

Обратим внимание также на даты появления статей в газете. Обычно статьи публикуются в следующих друг за другом номерах газет, с указанием продолжения. Здесь иное. № 4 и 5 вышли из печати 26 января и 2 февраля 1852 г. В конце второй статьи не было указания на то, что продолжение следует. Статья носила вполне законченный характер. Однако заметка в № 15 от 12 апреля начинается следующими словами: «В 4-м и 5-м № № Ярославских ведомостей этого года помещено было описание свадебных обычаев, господствующих в некоторых селениях, расположенных по южному берегу Ростовского озера. Случай доставил мне после того времени возможность открыть в порядке описанной свадьбы новые обстоятельства, которые ускользнули у меня из виду при прежнем наблюдении (подчеркнуто мною — Т.М.). Для полноты прежде-составленного очерка, не излишним считаю сообщить и эти дополнительные сведения. Они относятся к венчальному дню»¹⁶. Далее автор дословно приводит большой фрагмент текста из № 5 ЯГВ, как бы желая вновь погрузить читателя в свой рассказ. Подойдя к новым текстам, Никольский сообщает: «Вот за этим-то монологом и следуют те обстоятельства, которые составляют предмет настоящего дополнения». Время появления статей — перед Великим постом, когда традиционно игрались свадьбы, и в конце поста. Т.е. вероятно, те новые обстоятельства, которые он открыл для себя при наблюдении за свадьбой, он должен был успеть привести в порядок, подготовить для публикации в газете, поэтому дополнения и появляются позже. Такая ответственность перед читателями и ценителями русской старины вызывает искреннее уважение, и она же позволяет относиться к публикуемым Никольским материалам с высокой степенью доверия.

Очерки Никольского примечательны еще некоторыми моментами. В них нет ни одного текста свадебных песен. Есть лишь упоминание о них в связи с «красой» невесты (елкой или березой), когда девушки ставят ее перед домом невесты и поют «несколько песен и затем вносят его в так называемую горницу». Зато Никольский тщательно записал 26 (!) причетных текстов от имени невесты и прокомментировал те обстоятельства, при которых они звучат. Кроме

того, обратим внимание на выражения, которые Никольский употребляет для описания плачей невесты. Здесь как минимум два эмоционально-исполнительских строя — «начинает выть», «затягивает во всю улицу», «пускается в слезы» и — «обращается с приветом», «произносит свою речь» или «монолог». Среди этих выражений важно подмеченное «вытьё» невесты, термин, который отражает тип причетного интонирования — с высотно неопределенным произнесением слогов и их «размазанным» соединением. Такие причитания были зафиксированы в соседнем Угличском районе¹⁷.

На наш взгляд, публикация Никольского представляет большую ценность — это первая печатная публикация ростовских свадебных причитаний с этнографическим комментарием, внушительная по объему и ранняя по времени появления. Учитывая ценность подобного материала, в Приложении 2 приводится весь текст статьи Никольского, собранный воедино по трем номерам ЯГВ.

Дополнительное представление о свадьбе в деревнях, расположенных в южной части ростовского озера, можно составить, обратившись к рукописным материалам. В частности, в фонде А. А. Титова, хранящемся в рукописном отделе РНБ, в тетради под шифром Тит. 4629, среди прочих материалов есть описание свадебного обряда с. Климатино Воржской волости¹⁸, входящего в тот же Поречье-Рыбновский приход и расположенного вблизи уже упомянутых сел южной части озера. Автор записи не указан. Оно не слишком подробное в этнографическом плане, однако содержит важнейшую местную свадебную терминологию — «красота», «сиденье», «запой», «рукобитье»; невесту «хоронить», «поднимать», молодую «крутить»; «вычитывать зарю», «сечь свата» и многое другое. Поэтические тексты — 7 причетов от имени невесты и 11 свадебных песен («за сговором», «на девишнике» и «припеванья»).

Третья публикация свадебных материалов Ростовского края на страницах ЯГВ, на которую мы обращаем внимание, принадлежит священнику Василию Апеллесову¹⁹. Он был автором нескольких статей, печатался в ЯГВ²⁰.

Статья о свадебных обычаях села Закедья, тогда Семеновского прихода Ростовского уезда, помещена в двух номерах ведомостей. Материал напечатан таким образом, что читатель воспринимает его как этнографическое описание, без каких-либо поэтических текстов. Однако в статье всё же есть фрагменты причетов: они заключены в кавычки и даны без разделения на поэтические строки. Далее приводится один и тот же фрагмент статьи — в варианте 1 так, как он дан в газете, и в варианте 2 с делением на строки, исходя из ритмического и слогового строения причетного стиха:

Вариант 1: *«Прикажи мне, отец духовный, поплакати, своего родителя побудити, благословения попросити на чужую дальнюю сторонушку. Взубушукатесь буйные ветры, уж как раздуйте матушку сыру землю; уж как попрошу я отца духовного, уж как попрошу я звонаря колокольного, уж как бы ударили они в колокола, дали бы слух земле сырой. Уж как будила я, кликала кормильца батюшка и родимую матушку, просила я у них благословенья, благословенья великого на чужую дальнюю сторонушку, к чужому дородному добру молодцу».*

Вариант 2: *Прикажи мне, отец духовный, поплакати,*

*Своего родителя побудити,
Благословения попросити
На чужую дальнюю сторонушку.
Взбушуйкаться буйные ветры,
Уж как раздуйте матушку сыру землю;
Уж как попрошу я отца духовного,
Уж как попрошу я звонаря колокольного,
Уж как бы ударили они в колокола,
Дали бы слух земле сырой.
Уж как будила я, кликала
Кормильца батюшка и родимую матушку,
Просила я у них благословенья,
Благословенья великого
На чужую дальнюю сторонушку,
К чужому дородному добру молодцу.*

В статье подробно описываются основные этапы свадьбы: сватовство, «сидение», смотренье родителями невесты дома жениха, сговоры, столованье в последний день перед венчаньем, «богомолье» невесты, встреча молодых и столы, проверка умения молодой. Местные названия автор старается пояснить, приводит присловья, закрепившиеся в определенные моменты свадьбы. Интересны примеры брачных суеверий: раздавливание молодыми деревянной ложки в церкви, обращение к священнику с просьбой позвонить тихо в колокол и другие. Апеллесов подмечает, что невеста *«плачет с причотами, громко распеваячи»*, девушки поют песни, называемые «припевами».

Последняя публикация свадебных обрядов и песен на страницах ЯГВ, содержащая материалы по Ростовскому краю, — совместный очерк ярославских краеведов «Крестьянская свадьба в Ярославской губернии», помещенный в девятнадцати выпусках газеты в 1891 г.²¹ В самой первой сноске к очерку, в № 40, сообщается, что публикация обобщает материалы разных уездов Ярославской губернии, однако при этом неясно, кто является автором-редактором этого очерка: *«Настоящий очерк составлен на основании материалов, собранных в уездах Ярославской губернии, а именно: в Ростовском (В. И. Ивановским), Пошехонском (А. В. Баловым), Любинском (Л. Милославовым), Ярославском (В. Мухиным), Р.— Борисоглебском (С. Соколовым), Рыбинском (гг. Георгиевским и Радосским)»*. Собирателем ростовских материалов был В. И. Ивановский, ростовский земский врач.

В первых трех выпусках очерка (№ 40–42) содержится обобщенная характеристика крестьянского свадебного обряда Ярославской губернии: не упоминается ни один точный пункт записи, много сведений приводится в кавычках, однако почти нигде не указывается, в каких местностях они зафиксированы.

Далее, в последующих выпусках, также нет точных географических отсылок. Единственное, что дается почти ко всем текстам песен и причитаний, этнографическим описаниям и местным названиям того или иного эпизода свадебного обряда, — это пояснения, указывающие на уезд: «такова практика например в Ростовском уезде» (в № 42), «эти две песни особенно употреби-

тельны в Ростовском уезде» (в № 45. С. 4), «обе песни записаны в Ростовском уезде. Варианты с незначительными изменениями — встречаются во многих уездах» (в № 48, с. 4) и другие.

Судя по этим сноскам, по Ростовскому уезду в очерке приводятся 9 причетов и 16 песен. Тексты достаточно развернутые, все они имеют вполне определенные этнографические комментарии. Неоднократно подчеркивается различие песенных и причетных текстов невесты, имеющей родителей, и невесты-сироты. Подробно описаны характерные для Ростовского края свадебные обычаи: «хороненье невесты и шапки», «ворочанье жениха», «гостинцы» и другие. В Приложении 3 приведены некоторые интересные варианты текстов песен и причитаний, записанных в Ростовском уезде, с пояснениями.

В заключение отметим, что перспективно сравнение материалов, опубликованных в ЯГВ, с материалами рукописного фонда А. А. Титова РНБ, а также обращение к экспедиционным материалам, собранным в ходе полевой работы научными сотрудниками музея «Ростовский кремль», Ярославского областного дома народного творчества, Ярославского педагогического университета.

**

¹ ОР РНБ. Тит. 4044, 4603, 4629, 3480, 2050.

² Васильева Е. Е. Фольклорно-этнографические материалы в собрании А. А. Титова // ИКРЗ. 2007. Ростов, 2008. С. 310–322; Васильева Е. Е. Ростовская вопленица Анисья Серебрякова // ИКРЗ. 2008. Ростов, 2009. С. 243–257; Молчанова Т. С. Свадебный обряд Ростовского края по письменным и устным источникам XIX–XX веков // ИКРЗ. 2011. Ростов, 2012. С. 275–280.

³ Я благодарю за помощь в поиске материалов сотрудников научной библиотеки ГМЗРК.

⁴ С-в С. [Серебренников С.А.] Свадебные обряды в Ярославской губернии // ЯГВ. 1832. № № 12, 13, 15, 16, 20, 21. Экземпляры газеты имеются только в РГБ. Я выражаю благодарность службе электронной обработки документов РГБ, предоставившей возможность работать с редкими номерами ЯГВ. Электронный вариант статьи Серебренникова передан мною в научную библиотеку ГМЗРК.

⁵ ЯГВ. 1832. № 12. С. 281.

⁶ ЯГВ. 1832. № 15. С. 355.

⁷ Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837. Вып. 1; Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 1–7.

⁸ Вульфийс П. А. К истории русской музыкальной фольклористики // Русская мысль о музыкальном фольклоре. Материалы и документы. М., 1979. С. 23.

⁹ Б.а. Статистическое описание Ярославской губернии. Предисловие // ЯГВ. Ч. неофиц. 1850. 6 января. С. 6–7; Б.а. Записка для обозрения русских древностей // ЯГВ. Ч. неофиц. 1855. 21 мая. С. 160; 28 мая. С. 168; 4 июня. С. 177, 178; Бычков Ф. А. Краткая программа вопросов, по которым желательно получение корреспонденций и статей с целью ознакомлять читателей Ярославских губернских ведомостей с бытом Ярославской губернии // ЯГВ. Ч. неофиц. 1888. 1 января. С. 5.

¹⁰ Киселёв Ал-й Вал. Источники по традиционным верованиям ростовских крестьян // ИКРЗ. 2005. Ростов, 2006. С. 391–399.

¹¹ Крестьянская свадьба в Ярославской губернии. ЯГВ. 1891. № № 40–43, 45, 46, 48, 49, 50, 52, 55, 57, 58, 61, 62, 68, 71, 84, 87; Перевлесский П. [Петр Миронович] Свадебные обряды и обыкновения у крестьян Ярославской губернии // Москвитянин. 1842. № 8. С. 443–454; Гусев Ф. [Федор Петрович] Свадебный обычай называния свата или свахи в селениях Переславского и Ростовского уездов // Владимирские губернские ведомости. 1875. № 39; Ушаков Д. Свадьба в Ростовском уезде Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. LXI. 1904. С. 161–166.

- ¹² ЯГВ. 1851. № 4. С. 41–42.
- ¹³ Браки в селе Угодичах. Сообщено А. Я. Артыновым // ОР РНБ. Тит. 4629. Л. 62–62 об.
- ¹⁴ Воспоминания крестьянина села Угодичь Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова с предисловием А. А. Титова [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yar-genealogy.ru/0327.php> (дата обращения 28.08.2012).
- ¹⁵ Список Высочайше утверждённых приходов по Ростовскому уезду, с составом причтов при них, и лиц, предназначенных в зачислению в штат и к оставлению сверхштатными, утвержденным Его Преосвященством [Электронный ресурс]. Ярославль, 1878. Режим доступа: <http://www.yar-genealogy.ru/0369.php> (дата обращения 04.11.2012).
- ¹⁶ Н-ий И. Свадебные обычаи в Ростовском уезде // ЯГВ. 1852. 12 апр. № 15. С. 133–134.
- ¹⁷ Угличские народные песни: Из новых записей русских народных песен / Сост. И. И. Земцовский. М.; Л., 1974. № 52, 79, 80.
- ¹⁸ ОР РНБ. Тит. 4629. С. 69–74.
- ¹⁹ Апеллесов В. Из Ростовского уезда. Свадебные обычаи села Закедья. ЯГВ. 1873. № 35. 3 мая. С. 203–204; № 37. 10 мая. С. 214.
- ²⁰ Странный способ отыскивать украденные вещи // ЯЕВ. 1871. № 35. 1 сент. С. 288; Суеверное средство предохранять скот от болезней и падежа // ЯЕВ. 1871. № 46. 17 нояб. С. 376; Странный способ излечения больной // ЯЕВ. 1872. № 48. 29 нояб. С. 389–390; Сказание о Владимирской иконе Богоматери в селе Закедья Ростовского уезда // ЯЕВ. 1875. № 34. 20 авг. С. 272. О В. Апеллесове будет опубликована статья Н. Г. Комелиной в готовящемся издании: Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь / Отв. ред. Т. Г. Иванова, А. Л. Топорков; ИРЛИ, Институт мировой литературы им. А. М. Горького.
- ²¹ Крестьянская свадьба в Ярославской губернии. ЯГВ. 1891. № № 40–43, 45, 46, 48–50, 52, 55, 57, 58, 61, 62, 68, 71, 84, 87.

Приложение 1

<p>Артынов А. Село Угодичи // ЯГВ. 1851. № 4</p>	<p>Браки в селе Угодичах. Сообщ. А. Я. Артыновым // ОР РНБ. Тит. 4629. Л. 62–62 об.</p>
<p>Схема описания свадьбы: Сиденье; жгли пук лучины. взять от жениха <i>на стол</i>. <i>ударили, рукобитье</i>. невеста посылает дары, приглашает жениха. приезд жениха к невесте на закуску, — запой или <i>с кручинным</i>. жених уносит от невесты какой-нибудь подарок. сговоры — первый большой стол у невесты. девичник; жених приносит <i>пряницу</i> и пр. невеста дарит своих подруг разрезанной пряницей. невеста голосит после ухода жениха. причеты на улице, ввечеру, из бани. жених и невеста идут к заутрени в церковь, молебен. невеста <i>прощается</i> на могилах. благословение жениха. благословение молодых в доме жениха. небольшой стол — <i>порывочный стол</i>. кручение. княжий или красный стол. проводы новобрачных на подклет. утро в доме жениха, стол, вскрытые. вечер — свадебный обед. следующие два дня — почестье (пиры в доме родителей невесты).</p>	<p>Схема описания свадьбы: Сиденье или смотрины Рукобитье Запой (пирушка) Вечерина Зговоры Девичник Баня Невеста голосит Княжой стол Кручение «вскрытие» на утро у жениха «красной стол» стол в доме невесты «почестье» столы в доме жениха и невесты</p>

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Н-ий И. [Никольский Иоанн Яковлевич, заштатный священник с. Поречье Ростовского уезда] Свадебные обычаи в Ростовском уезде // ЯГВ. 1852. № 4, 5, 15¹. 26 янв. № 4.

(с. 39) Судя по единоплеменности первоначальных обитателей древней мерянской области, следовало бы ожидать однообразия в домашнем быту нынешнего народонаселения около Ростова. Но на деле встречаем совсем противное: каждая деревня живет по своему, нередко даже в одном селении господствуют разнородные обычаи; у государственных крестьян видим то, у помещичьих другое, зажиточные ведут себя отлично от бедных. Причину этого явления можно полагать в сильном развитии местной промышленности, которая заставляет Ростовца скитаться по всему свету, откуда, возвращаясь на родину, он заносит в домашний быт чуждые элементы. Это направление обнаруживается с невыгодной стороны еще в том, что, знакомя простой народ с городской жизнью, мало помалу сглаживает родовые черты из жизни сельской, которые чрез длинный ряд веков прошли в целом виде от времен патриархальных. За то тем более следует дорожить уцелевшими остатками старины и снимать с ним рисунки, чтобы заветные предания отцов и дедов сохранить от всеистребляющего времени.

Предлагаемый здесь очерк свадебных обычаев относится к немногим селениям, расположенным по южному берегу Ростовского озера. В состав описания входят только те обстоятельства, о начале которых, по пытливый вопрос наблюдателя, 90-летние старухи говорили: «это, родимый, до нас так водилось!»

(с. 40) Свадьба здесь, как и везде, начинается сватовством, по окончании которого родители жениха и невесты поставляют для себя первою обязанностью сходить к приходскому священнику за благословением начать дело. В первый после этого базарный день в ближайшем торговом селе сваты начинают *запой* или, говоря их языком, *запивают жениха и невесту*. Пред отъездом своих родителей на этот пир, невеста садится в передний угол за стол, под божицу, и начинает выть, на распев выражая свои чувства следующими причетами:

«Благослови-ко меня Господи,
Благослови-ко Пресвятая Богородица!
И ты кормилец мой батюшко,
И ты родима моя матушка!
Скажитко-те, радельники:
Уж куда-то вы сдобляетесь,
Уж куда-то вы сбираетесь?
Собираетесь, радельники,
Во торги-то вы на ярманки.
Ах послушайте радельники,
Как об чем я Вас просить буду,
Я не спесью и не с гордостью,
Уж я всем сердцем, с покорностью,

Уж я словом-то вас ласковым,
Я поклоном-то вас низкием... »

При этих словах невеста встает и кланяется отцу с матерью, потом продолжает свою речь:

«Ах купитко-те мне, батюшко
И родима моя матушка,
Мне на буйну-то головушку
Золотую оповязочку,
Во мою-то во русу косу
Еще алу ленточку,
А на правую-то рученьку
Золотое мне колечечко.
Ах еще бы погуляла я
Во девичьей-то красе моей
У кормильца-то у батюшки,
У родимой моей матушки!
Ах кормилец ты мой батюшко
И родима моя матушка!
Ах скажитко-те, радельники,
Вы какую думу думали,
Вы какое дело делали?
Не о мне ли вы, радельники,
Об моей буйной головушке?
Уж дошло до меня сведенье,
Что уж бились вы, радельники,
Об моей буйной головушке,
Под заклад клали, родимые,
Мое ретиво сердце.
Ах недолго мне, радельники,
Ах недолго мне погуляти,
Ах недолго мне посидети
Во девичьей во красе моей!
Не дали вы маку вырости,
Во зеленом саду выцвести,
С умом-разумом собратися,
С подружками сравнятся;
Отгуляла-то я молода
По лугам-то по зеленом,
По травам-то по шелковьем,
По цветам-то по лазоревым,
По рекам-то я по быстрьем,
По лесам-то я по темным!»

После этих слов отец и мать прощаются со своей дочерью и уезжают из дому, а она остается с одними подругами, которые собираются к ней еще за-

ранее. К ним-то теперь обращается поэтическая дума невесты:

«Ах девицы вы голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Мои милыя, любимыя,
Мое стадо лебединое!
Сидите-то вы, голубушки,
Набело-то перебелены,
Накрасно-то перемазаны.
А как я сижу младшенька, —
Набело я не набелена,
Накрасно-то не намазана,
В цветно платье не наряжена.
Уж как стала я белиться, —
С рук белила покатилися.
Уж как стала я румянится, —
Со бела лица мово
Все румяна повалилися.
Уж как стала я рядитися
Со белых-то плеч моих
Все наряды сокатилися».

В эту минуту подруги невесты вносят в комнату, в которой сидит она, *девичью красу*. Это символ целомудрия, — кудрявая и округленная березка, убранная разноцветными длинными лентами. Вместо березки, в иных селениях употребляют, в настоящем значении, и елку. То или другое дерево не в минуту потребности срубают с корня, напротив оно уже старое, сухое и с незапамятных времен хранится у молодых девушек, которые, выходя поочередно замуж, преемственно передают его младшим подругам; совершаемый теперь обряд девичьей красы повторяется над одним и тем же деревцом всякий раз, при выходе каждой девицы селения в замужество... Внеся девичью красу в комнату, девушки ставят ее среди стола, и тотчас после того невеста обращает к ней и к подругам свои причеты; причем в поэтической речи девичья краса высказывается уже под именем *девичьего венка*:

«Пойдете вы голубушка,
Мои милыя подруженьки,
Мои милыя, любимыя,
Мое стадо лебединое,
По лугам гулять зеленыем,
По травам-то по шелковыем,
По лесам-то я по темныем!
По рекам-то я по быстрем,
По цветам-то по лазоревым.
И как станете венки плести,
Вы сорвитко-те и мой цветок,
Уж вы свейте для меня венки».

(с. 41)

Да пройдите с ним, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Мои милыя, любимыя,
Мое стадо лебединое,
Мимо батюшкина терема,
Мимо матушкиной горницы,
Да снеситко-те, голубушки,
Ко родимой-то ко матушке;
Вы подайте-ко, любимыя,
Во красно-то ей окошечко, —
Уж поставила бы матушка
Тот венок во новой горенке,
Да на красное окошечко.
Берегла бы она радельница,
Не завял-то бы там мой венок. —
Не завянет ли мое сердце
В чужих людях не живаючи,
Ничего-то не выдаючи?!»

В след за тем подруги берут оплаканную невестою красу или венок и обходят с ним вокруг селения, потом ставят его перед домом сосватанной подруги, поют перед ним несколько песен и затем вносят его в так называемую горницу. Поставив здесь венок на заветном месте, девицы прощаются с невестой и расходятся по домам.

2 февр. № 5.

(с. 47) Вместо обычных сговоров, отец жениха дает ужин, накануне венчанья, для своих родных, а невестин у себя для своих. Вечер у жениха не заключает у себя ничего особенного, кроме того, что сам жених ни до чего не дотрогивается во время ужина, — не ест, не пьет, и молча сидит за столом, на шубе положенной вверх шерстью. Но пиршество в доме невесты исполнено драматического интереса. Главное действующее лицо здесь сама невесты. Еще в то время, как отец ее собирается (с. 48) звать родственников на ужин, она, спустив платок с головы настолько, чтобы не видно было лица, садится под божницу и с горькими слезами ведет с родителями беседу, приличную обстоятельствам времени. Обычай требует строго, чтобы сговоренная при этом плакала; но так как искрения слезы не всегда могут изливаться в угодность обстоятельствам, но нередко в настоящем случае прибегают при помощи египетской луковицы, лишь бы только исполнить обязательный закон приличия. Плачевная речь начинается просьбою о родительском благословении:

«Ах послушайте, радельники,
Ты кормилец-то мой батюшко
И родима моя матушка.
Как об чем я вас просить буду!
Я прошу у вас, радельники,
Уж не злата и не серебра,

Ни приданого великаго,
А прошу у вас я, батюшко
И родима моя матушка,
Благословения великаго».

При этих словах невесты встает, и открывается сцена родительского благословения на новую жизнь дочери, которая после того, не переменяя положения, предлагает отцу о приглашении родных на семейный пир,

«Ох! Подитко-ты, радельник мой,
Созывай-ко ты, мой батюшко,
Моих сродцев, моих кровных,
Не по роду, а всех по ряду!».

Отец уходит, невеста садится на прежнее место, под божницу, и готовится к новой роли, которую должна выполнять во время ужина.

«Благослови-ко меня, Господи,
Мать Пресвятая Богородица,
На сем месте мне посидети,
Белой лебедью прокликати!»

Когда соберутся званые и усядутся за стол, невеста пред первым кушаньем обращается к отцу с матерью:

«Уж кормилец ты, мой батюшко,
И родима моя матушка,
Уж вы встаньте по конец стола,
По конец стола дубового;
Уж вы потчуйте дорогих гостей,
Уж вы потчуйте потихохоньку,
Уж вы кланяйтесь понизехоньку!»

В то же время сама встает и кланяется гостям, приговаривая в тот же тон:

«Вы покушайте, радельники,
Сродцы кровные, сердечные!»

Этот привет гостеприимства повторяется невестою перед каждым кушаньем. По окончании общего ужина, садятся за стол подружки невесты, причем хозяйственное радушие и заботливость ее высказываются, с приличною переменю выражений, в том же виде, как и прежде пред прочими гостями:

Вы пожалуйста, радельники,
Уж кормилец ты мой, батюшко,
И родимая моя матушка!
Подвигайте-ко, радельники,
Уж столы-то вы дубовые
И скамеечки кленовые;
Постилайте-ко, родимые,
На стол скатерти-то бранья;
Вы сажайте-ко, радельники,
Моих милых подруженек,
Моих милых любимых,

Мое стадо лебединое!»

Когда девицы усядутся за стол, невесты потчует их перед каждым блюдом. В начале стола, она обращает хлебосольную речь ко всем подругам вообще:

«Вы покушайте, подруженьки,
Мои милые подруженьки,
Вы в-останные и в-первые,
У кормилица-то у батюшки,
У родимой-то у матушки,
У меня ли молодешенькой
Во девичьей во красе моей!»

(с. 49) Потом с каждою переменою кушаньев, невеста обращается по-очередно, с тем же приветом, к каждой подруге, называя каждую по имени и по отчеству:

«Ты покушай-ко, голубушка,
Мои милая подруженька,
Катерина-то Григорьевна,
И в-останные и в-первые,
У кормилица-то у батюшки,
У родимой-то у матушки,
У меня ли молодешенькой
Во девичьей во красе моей!»

Перебравши всех подруг по очереди, невеста обращается наконец к матери и просит принести из горницы девичью красу:

Ты родима моя матушка,
Потрудись-ко ты, радельница,
Для меня ли молодешенькой;
Ты подай-ко, моя кровная,
Мою девичью красу!»

Мать исполняет желание дочери, и ставит посреди стола символическое дерево. Невеста делает ему задушевный привет:

«Ты красуйся моя краса
По столам-то по дубовыем,
И по скатертям браныем,
По голубушкам по белыем,
По моим милым подруженькам!»

По закону обычая, по время девишника при невесте непременно должна находиться ее сестра, если не родная, то в дальнем колене, и сидит при ней неотлучно. Окончив речь с олицетворенной красой, невеста обращается к сестре:

«Ты голубушка моя белая,
Ты сестрица моя милая!
Ты послушай-ко, родимая,
Об чем я тебя просить буду,
Я не с спесью и не с гордостью,
А всем сердцем и с покорностью.

Уж снимитко ты, голубушка,
С меня девичью красу;
Расплетитко ты, голубушка,
Косу русую мою.
Уж ты выплети, голубушка,
Алу ленточку из ней.
Не подрежь же ты, голубушка,
Белых рученок своих:
Во моей-то во русой косе
Есть два ножечка булатных.
Положи ее, голубушка,
На корельчатое блюдечко!»

По этой просьбе, сестра невесты расплетает ей косу и вывязывает из нее ленту. Невеста продолжает, обливаясь слезами:

«Как твои-то белы рученьки
Поднялися на мою головушку. ...
Мои милыя подруженьки
Мои милыя, любимыя,
Мое стадо лебединое!
Отгуляла я голубушка
По лугам-то по зеленом,
По травам-то по шелковом,
По лесам-то я по темном!
По рекам-то я по быстром,
По цветам-то по лазоревым!»

Подруги встают в это время из-за стола, и речь невесты переходит на другой предмет:

«Отдвигайте вы, голубушки,
Уж столы-то вы дубовые
И скамеечки кленовые;
Уж вы дайте путь-дорожину
Моему кормильцу батюшку
И родимой моей матушке!»

Толпа девиц раздвигается и невеста падает в ноги отцу с матерью, выражая чувство благодарности:

«Уж спасибо-те вам, батюшко
И родимая моя матушка!
Украсили вы мою красу,
Украсили мою девичью,
Краше листику маковаго,
Краше цветику лазорева!»

Подобные слова причитаются при обращении невесты и к ближайшим родственникам.

(с. 50) Этим действием и заключается предсвадебное собрание в ее доме.

В следующее утро, в самый день венчания, с ударом колокола к заутрени, невеста встает с постели и, еще не умывшись, начинает вслух новый монолог:

Уж не батюшко меня будит,
Уж не матушка мне вставать велит;
Уж как будит меня молоду
Заунывный большой колокол. ...
Ты родима моя матушка,
Ты послушай-ко, радельница,
Об чем буду я просить тебя,
Я не с спесью и не с гордостью,
Уж я всем сердцем с покорностью.
Потрудись моя родимая,
Для меня ли молодешенькой;
Ты подай мне ключевой воды
На мои-то руки белья,
На мое-то лицо нежное, —
И тонкое полотенечко. ...
Но уж нет, моя радельница,
Не носи мне ключевой воды
И тонкаго полотенечка:
Я умылась горячми слезми,
Я утерлася русой косой. ...
Вы вставайте-ко, подруженьки,
Мои милья, любимья,
Мое стадо лебединое!
Уж спалася ли вам темна ночь?
А как мне ли млодешенькой
Не спалася темна ночь,
На просонке много виделось:
Приходила-то ко мне краса,
Приходила ко мне девичья;
Она мостом-то протопала
И дверьми-то сильно хлопнула;
Говорила мне краса,
Говорила-то мне краса девичья:
Уж недолго тебе, девица,
Уж не долго тебе, красная,
Уж недолго посидети
Во девичьей во красе своей.
Уж спасибо тебе девица,
Уж спасибо тебе красная,
Что свела-то ты красу свою,
Что свела ты свою девичью
Честно, хвально, целомудренно!»

Подруги, к которым обращена последняя часть монолога, находятся в это время уже при невесте, и приготавливают ее у заутрени, по окончании которой для жениха и невесты поется общий молебен, и потом они прощаются на погосте с умершими родственниками. По возвращении обвенчанной четы домой из церкви, молодую, после обычных приветствий, крутят, т.е. встают по сторонам два мальчика на лавку и, занавесив молодых большим платком, вместе с двумя свахами, с жениховой и невестиной стороны, подают им гребень, зеркало, повойник и прочие головные женские уборы. Под этим занавесом, молодой заплетают две косы и через несколько минут она является пред свадебным собранием уже в наряде замужней женщины. Вслед за тем отводят молодых на подклет, т.е. в холодную горницу или чулан, а за неимением того и другого под застреху на подволоку, где по секрету подают им не скорую руку легкую закуску, потом сводят опять в общую комнату к гостям, и сажают вместе с ними за стол. Во время этого обеда, молодые принимают все подносимые им кушанья и напитки, но при людях ничего не пьют и не едят, до следующего утра.

И ... Н... ий.

12 апр. № 15.

(с. 133) В 4-м и 5-м № № Ярославских ведомостей этого года помещено было описание свадебных обычаев, господствующих в некоторых селениях, расположенных по южному берегу Ростовского озера. (с. 134) Случай доставил мне после того времени возможность открыть в порядке описанной свадьбы новые обстоятельства, которые ускользнули у меня из виду при прежнем наблюдении. Для полноты прежде-составленного очерка, не излишним считаю сообщить и эти дополнительные сведения. Они относятся к венчальному дню.

Читатель помнит печально-распевный монолог, которым невеста начинает этот день, поднявшись на постели при колокольном благовесте к заутрени:

«Уж не батюшко меня будит,
<...>²

Вот за этим-то монологом и следуют те обстоятельства, которые составляют предмет настоящего дополнения.

Одевшись, невеста идет, в сопровождении подруг, к заутрени и, лишь только заступит за ворота, затыгивает во всю улицу следующий причет:

«Уж красуйся ты, моя краса,
Величайся моя девичья.
Выпорхайте алы ленточки
Из моей-то из русой косы
По широкой-то по улице.
Провожайте вы голубушки,
Мои милые подруженьки,
Мои милые, любимые,
Мое стадо лебединое,
Уж в-останные и в-первые
Вы меня-то молодешеньку
Во девичьей во красе моей.»

После заутрени, отслушав молебен и простившись на погосте с умершими родственниками, на возвратном пути она обращает свою речь к природе:

«Разбушуйте ветры буйные,
Разкачайтесь вѣреи,
Разтворяйтесь ворота
Широкó и волько нá-пяты.
Не осветит ли светел месяц?
Не обогреет ли красно солнышко?
Уж не встретят ли радельники,
Уж кормилец-то мой батюшко
И родима моя матушка? ...
Осветил меня светел месяц,
Обогрело красно солнышко,
Уж как встретили радельники,
Вот кормилец-то мой батюшко
Со родимой моей матушкой.»

Войдя в комнату, невеста садится в переднем углу и рассказывает родителям об утреннем своем путешествии:

«Ну послушайте, радельники,
Как что буду я вам сказывать:
Уж ходила-то я молода
Ко Миколe ко Святителю,
Ко Казанской Божьей Матери (*)
У молебна постояла я
И петья Божья послушала.»

На этом речь невесты прерывается до того времени, пока не придет жених, который, по обычаю, сам должен вести к венцу свою избранную. При входе его в дом невесты, она пускается в слезы, сопровождая их следующими словами:

«Как не рой в поле роится,
Не камка-то разстиляется,
Не крупен жемчуг рассыпается:
Как идет ли сила ратная,
Как во силушке король идет,
Все послы от короля идут.»

Последний свадебный причет произносит невеста уже во время шествия с женихом к венцу:

«Не бушуйте ветры буйные,
Не шумите люди добрые;
Уж вы дайте мне послушати,
Не кукует ли кукушечка
Во сыром бору жалобнехонько,—
Уж не плачет ли радельница
Моя матушка родимая

---

* Местные храмовые праздники (сноска в оригинале статьи —Т.М.).

Обо мне ли молодешенькой
Во высокием во тереме,
Под косящим окошечком.»
Венец начисто осушает девичьи слезы.
И... Н... йй.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ЯГВ. 1891. № 45. С. 4.

жениху на «столованье»:

Что (такому-то — имя жениха) говорила маменька
Говорила родимая:
«Ах, родимое мое дитятко!
Уж ты год неженатый ходи,
А другой — холостой ходи!»...
— Ах родимая маменька!
Я рад бы и три гулять..
Шел я, добрый молодец —
Вдоль широкия улицы;
Где ни взялась красна девица,
(Такая то — имя и отчество невесты)!
Ухватила, голубушка,
За сюртук — полу правую...
Если полу то изрезати —
То сюртук то испортити;
Если по девице ударити —
Будет девица плакати...

ЯГВ. 1891. № 45. С. 3—4.

Если у нее есть и отец, и мать, то поются преимущественно следующие песни:

Кокует кокушечка за садом,
Сидела (ласкат. имя невесты) за столом,
Сама себе думала:
«Боже мой, Боже мой, Боже мой!
А кто ж меня, бедную, утешит?
Утешит меня, бедную, татенька,
Его утешеньице лестное,
Лестное, да не вековечное»...
Кокует кокушечка за садом,
Сидела (ласкат. имя невесты) за столом,
Сама себе думала:
«Боже мой, Боже мой, Боже мой!
А кто ж меня, бедную, утешит?
Утешит меня, бедную, маменька,
Его утешеньице лестное,

Лестное, да не вековечное»...
Кокует кокушечка за садом,
Сидела (ласкат. имя невесты) за столом,
Сама себе думала:
«Боже мой, Боже мой, Боже мой!
А кто ж меня, бедную, утешит?
Утешит меня, бедную, (ласкат имя жениха);
Его утешеньице не лестное,
Не лестное, да вековечное»...

Если же невеста не имеет отца, или матери, то преимущественно употребляется такой припев:

Ты злодейка-изменщица,
Ты большая лицемерщица!
Ты сказала — «замуж нейду!»
Говорила — «не подумаю,
Никого я не послушаю —
Ни свата-то сводника,
Ни сватухи — переводчицы»...
Уж ты кого, душа, послушала?!
Ты сказала — «в монастырь пойду,
В монастырь пойду, в монашенки,
Я сама то во игуменьи,
А вас, девушки, в прислужницы!!?»...

ЯГВ. 1891. № 50. С. 4.

Существует и особенный, довольно оригинальный припев свату, или сватухе:

Уж ты слышишь ли, сват,
Понимаешь ли, глухой?
Мы те (тебе) песни поем,
Мы те честь воздаем!
Ты у нас ночевал,
На полатах спал,
Трой лапти украл;
После дяди сатаны
Украл трой сапоги; —
На улицу взглянул —
Красну девицу стянул...

ЯГВ. 1891. № 57. С. 4.

Заслуживает внимание также распространенный в Ростовском у. обычай — «ворочанья жениха». Когда жених уже распрощается и направится к выходу, невеста обыкновенно называемая уже «сговоренкой», — повязанная «в нахмурку», т. е. надвинувши платок на лице, начинает причитать. О причитах невесты заметим здесь, что строго установленных форм и содержания они не имеют и каждая «сговоренка» во время свадьбы принуждена упражняться в сочинении, или, по крайней мере, — вариировании их. Здесь мы приводим те причиты, которые чаще других

Не краса то дородному доброму молодцу
За столом сидеть с красной девицей,
А краса-то добру молодцу
У ворот стоять со товаришам!
Не краса-то мне, красной девице,
За столом сидеть со чужим людям,
Уж краса-то мне, красной девице,
У стола стоять со подругами!...

ЯГВ. 1891. № 58.

Впрочем жених редко заставляет ждать себя, после первого же причета невесты и песенки девиц, он ворочается «в избу» и начинает утешать «сговоренку», которая отвечает ему опять-таки причетом:

Не унимай-ко добрый молодец!
Прибесчестил добру девицу
При родимом то при тятиньке,
При радельнице-маменьке,
При голубушках-подруженьках!

Это причет невесты, имеющей отца и мать. Если же у нее нет кого-нибудь из родителей, или она круглая сирота, то употребляется такой причет:

Не унимай-ко, не уговаривай
Ты дородный добрый молодец!
У реки то было у реченьки
Кабы были круты бережки —
— Уж не столь бы река разливалась!
У меня то бы, у горькия,
Кабы был родимы тятинька,
Да родима то маменька —
Не столь бы горько плакала,
Не столь бы слёзы ронила!...

ЯГВ. 1891. № 84.

В других местностях вступительного причета не употребляется; сговоренка, вставши с постели, начинает причитать прямо к своим родителям. <...> В Ростовском уезде сговоренка обращается к родителям с такими словами:

Ты вставай-ко, радельщик тятенька,
И родимая моя маменька!
Уж как то спалась вам темная ночь,
Как лежались часы долгие —
При великой-то при радости —
Проигравши чада милого?...
Уж как мне то, молодешенькой,
Не спалась вся темная ночь,
Не лежались часы долгие!...
На мал часик призабылася —
Во просоньи сон привиделся —

А и вся правда явилася!
Уж как привиделось мне, молодешенькой,
Привиделись круты горы,
И темны леса, —
Во темных лесах — крупны яголки!
Круты горы — чужа сторона,
А темны леса чужи люди,
Крупны яголки — горячи слезы...

*

¹ В публикуемых материалах сохранены шрифты написания (прямой и курсив), а также орфография и пунктуация оригинала, за исключением окончаний прилагательных — например, «свадебныя» заменено на «свадебные», «особеннаго» на «особенного» и т.д.

² Далее мы выпускаем часть текста, т.к. в нем точно повторяется текст этого причитания.